

Даже в шутках нужно знать меру, Фу Шэнь не мог позволить себе так наглеть и отступил:

— Нет-нет-нет, я просто шутил! Пойдём.

— Я не шучу, — Янь Сяохань повернул голову, на губах мелькнула улыбка. — Считай, что это компенсация за грибы. Ничего страшного, давай.

Фу Шэнь колебался, но его спина, хоть и не была широкой, казалась необычайно притягательной. Он сделал шаг вперёд, словно под гипнозом, протянул руки и обнял Янь Сяоханя за шею.

Янь Сяохань уверенно поднял его.

В боку возникла тупая боль, вес живого человека оказывал значительное давление на рану, но Янь Сяохань не обращал на это внимания. Все его мысли были сосредоточены на том, чтобы идти и нести человека на спине. Фу Шэнь сначала был напряжён, как доска, стараясь сохранять дистанцию между грудью и спиной, но через некоторое время его тело постепенно расслабилось, и он осторожно прижался.

Не самое удачное сравнение, но это было похоже на маленькое животное, которое сначала настороженно приближается, а потом плюхается в ладонь.

Через мгновение он почувствовал тяжесть на плече — это Фу Шэнь положил подбородок ему на плечо.

Янь Сяохань вновь испытал то щекочущее чувство, которое возникало, когда Фу Шэнь держал его в заложниках, и услышал, как тот шепчет на ухо:

— Брат Янь, я действительно помог тебе дважды, но это не такая уж большая услуга, просто пустяк. Ты... не нужно слишком уж подстраиваться под меня ради благодарности.

Янь Сяохань немного приподнял его на спине, небрежно ответив:

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, разве это можно назвать подстраиванием?

— А как тогда?

Янь Сяохань задумался, неуверенно произнеся:

— Отцовская любовь, как гора?

Фу Шэнь: «...»

Он стукнул лбом по затылку Янь Сяоханя, руки, сложенные на груди, почувствовали лёгкую дрожь. Янь Сяохань, смеясь, сказал:

— Голова не кружится? Осторожнее, не стукнись слишком сильно.

Его доброта к Фу Шэню, конечно, была благодарностью, но не только этим.

Отношения между людьми легко становятся знакомыми, но чтобы стать друзьями, нужна судьба. А Фу Шэнь словно был создан специально под его вкусы, и время от времени приносил неожиданные сюрпризы.

Прошлой ночью в пещере, когда они прижались друг к другу, чтобы согреться, Янь Сяохань сказал: «У меня нет отца». Это была фраза, сказанная без раздумий, усталость и холод рассеяли разум, и некоторые глубоко спрятанные эмоции вырвались наружу.

Это была его слабость, но Янь Сяохань не собирался никому рассказывать свои секреты, и ему не нужны были фальшивые утешения и жалость.

Мышление Фу Шэня было зрелым, его поведение всегда сдержанно и вежливо. Янь Сяохань уже ожидал, что он что-то скажет, и размышлял, как обойти эту тему, но услышал, как Фу Шэнь равнодушно произнёс:

— Ну и что? У меня тоже нет матери.

Его отношение всегда было таким — если ты хочешь говорить, я слушаю, если нет — не спрашиваю.

Честно и прямо.

Янь Сяохань вздохнул с облегчением, и в тот момент действительно стал считать этого «малыша» другом.

Они шли по долине почти целый день. Фу Шэнь, пройдя немного на спине Янь Сяоханя, спрыгнул и пошёл сам. Пейзажи в долине были прекрасны: журчащие ручьи, густая растительность, а на одном склоне даже росли дикие орхидеи. Если бы не их плачевное положение, это место можно было бы назвать восхитительным.

Они остановились отдохнуть, и Фу Шэнь хотел сорвать веточку, но снова был остановлен Янь Сяоханем. Он не рассердился, а с улыбкой спросил:

— То нельзя рвать, это нельзя ломать, в чём на этот раз причина? В орхидеях тоже есть яд?

Янь Сяохань дал ему недоеденный дикий фрукт, аккуратно придерживая рёбра, сел и вздохнул:

— Нет. Просто она здесь растёт, и если бы не встретила нас, могла бы спокойно прожить ещё много лет. А если ты сорвёшь ветку, она завянет завтра же. Зачем?

Фу Шэнь рассмеялся:

— Древние говорили: «Не срывай, чтобы носить, орхидее не будет вреда» [1], а у тебя получается: «Сорвёшь и начнёшь носить, орхидее будет больно»?

Янь Сяохань ответил:

— «У растений есть своя природа, зачем им, чтобы их срывали?» [2]

Фу Шэнь, смеясь, упал на него, они оказались очень близко, почти прижавшись друг к другу. Янь Сяохань подумал, что этот молодой господин слишком наивен, они просто пережили трудности вместе, а он уже так к нему привязался.

Хотя, возможно, в горах, где они были одни, он всё же немного боялся и потому всё время непроизвольно тянулся к нему.

Янь Сяохань обнял его, и они вместе легли на травяной склон.

Фу Шэнь, глядя на чистое небо, вдруг серьёзно сказал:

— Брат Янь, если ты так жалеешь цветы, почему же ты сам создаёшь бурю?

Янь Сяохань ответил:

— Опять глупости говоришь. Гром и дождь идут с неба, «время и судьба, не в моей власти» [3].

Фу Шэнь резко сел:

— Тогда я пойду сорву этот цветок. В жизни каждый умирает, сегодня есть вино — сегодня пей...

Янь Сяохань, смеясь, потянул его обратно, крепко обняв:

— Вернись! Ты... ты что, обязательно хочешь влезть в эту грязь? Какое тебе дело до того, живы ли члены семьи Цзинь?

— Ты уже догадался?

— Разве нужно догадываться? — Янь Сяохань усмехнулся. — Группа людей стоит посреди дороги, и на лицах у каждого написано «чувство вины». Если бы я не боялся вас, давно бы отправил их в суд Стражи Летящего Дракона, даже не нужно пытаться, просто запугаешь — и

они всё расскажут.

Фу Шэнь сухо рассмеялся:

— Ха-ха-ха...

— Перед тем как я пришёл, слышал, что многие чиновники при дворе просили за Цзинь Юньфэна, включая генерала Фу. Ты спасаешь этих двоих ради этого, верно?

Фу Шэнь ещё не успел кивнуть, как тот продолжил:

— Послушай моего совета, не бери на себя всё подряд, не будь таким безрассудным из-за чувства долга. Резиденция герцога Ина — это эпицентр бури, ты думаешь, император не знает о делах генерала Фу и князя Су?

— Но мой дядя...

— Он может подать прошение, потому что он почти ученик Цзинь Юньфэна. Небо, земля, правитель, родители, учитель — это естественно. И ему не нужно искренне чувствовать, это просто формальность. Но ты другой. — Янь Сяохань сжал его за шею. — У тебя нет никакой связи с Цзинь Юньфэном, ты наследник герцога. Если ты будешь защищать остатки семьи Цзинь, это затронет всю резиденцию герцога Ина, понял?

Тишина, как закат, медленно опустилась на травяной склон.

Янь Сяохань, увидев его задумчивое лицо, подумал, что, возможно, сказал слишком резко, но решил, что если это поможет ему понять ситуацию, то ничего страшного.

На самом деле он вообще не должен был этого говорить. Жизнь и смерть других, вина или невиновность — это не его дело. Стража Летящего Дракона — это меч в руках императора, мечу не нужно «судить», кто достоин смерти.

Но Фу Шэнь был другим.

— Брат Янь, — вдруг сказал Фу Шэнь, — ты заботишься обо мне, я понимаю.

Янь Сяохань совсем не почувствовал облегчения, потому что было очевидно, что дальше последует «но».

— Но ты в одном ошибся, — сказал Фу Шэнь. — Мой дядя подал прошение, искренне желая помочь Цзинь Юньфэну, а не ради формальности. Если бы Цзинь Юньфэн действительно был виновен, он не стал бы ехать с границы, а князь Су не поручил бы ему такое дело, сам оставаясь в стороне.

Цзинь Юньфэн был оклеветан. Поэтому, когда эти двое обратились ко мне, я не мог остаться в стороне.

Янь Сяохань чуть не умер от злости.

— Кто в политике может сказать, что он чист? Тайные связи с Хань Юаньтуном, передача сообщений в резиденцию князя Аня, обнаружение писем и денег в доме, непочтительные высказывания, критика политики уменьшения княжеств... Император лично обвинил его, в чём же он невиновен?!

Фу Шэнь вздохнул:

— Говорят, это дело расследовала Стража Летящего Дракона. Эти «доказательства» — они настоящие или сфабрикованные, ты должен знать лучше меня.

Он был достаточно смелым, лежа в объятиях человека, намекая, что тот «помогает тирану» и «содействует злу». Янь Сяохань мог бы легко его задушить, но Фу Шэнь, казалось, не обращал на это внимания, держась за его воротник и продолжая:

— Брат Янь, я не хочу тебя обманывать, поэтому говорю это. Я действительно мало знаю о делах при дворе, но знаю, что князья — это главная головная боль императора.

— Ты знаешь, и всё равно...

<http://bllate.org/book/15271/1347954>